

УДК 94(47)084

ПОЛИТИКА УКРАИНИЗАЦИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ. ЗАМЫСЛЫ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ, ИТОГИ

В. З. Акопян

Пятигорский государственный лингвистический университет
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Настоящая статья посвящена проблеме осуществления советской украинизации на Ставрополье в 1920 – начале 1930-х гг. Автор выясняет замыслы, особенности, воплощение, итоги и последствия этой политики в казацком регионе Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставрополье, украинцы, украинизация, национальное меньшинство, национальное самосознание, деукраинизация, ассимиляция.

The Ukrainization Policy of the Stavropol Territory in the 1920–1930s. Plans, Implementation, Results

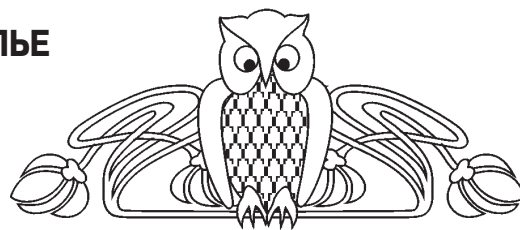
V. Z. Akopyan

This article is devoted to the problem of the Soviet Ukrainization of the Stavropol territory in the 1920s and early 1930s. The author explains the plans, peculiarities, implementation, results and consequences of this policy in the Non-Cossack region of the North Caucasus.

Key words: North Caucasus, Stavropol territory, Ukrainians, Ukrainization, national minority, national identity, de-Ukrainization, assimilation.

В отечественной исторической литературе начиная с 1933 г. и до позднего перестроечного времени редко можно встретить какое-либо упоминание о политике советской украинизации. На освещение этой темы был наложен негласный запрет. И только в последнюю четверть века в контексте истории казачества возник интерес к ней, но только по Кубани и Дону. По Ставрополью эта тема не стала объектом внимания. Отсюда задача – выяснить замыслы, особенности, воплощение и итоги «мнимой» украинизации в самом центре Северного Кавказа.

В статье рассматривается преимущественно только та часть территории нынешнего Ставропольского края РФ, которая в досоветский период входила в состав одноименной губернии, а с 1924 по 1930 г. – в Ставропольский округ. В эти пределы не входил ряд южных (в том числе Кавказские Минеральные Воды – КМВ) и западных (Кочубеевский, ранее Невиномысский) районов Ставропольского края, которые относились к Кубани и Тереку. В отличие от последних Ставропольская губерния имела крестьянское, а не казацкое население, сложившееся в результате колонизации Центрального Предкавказья (XVIII–XIX вв.). Значительная часть переселенцев прибыла на указанную территорию из Екатери-

нославской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской и др. губерний.

Накануне Первой мировой войны Ставропольская губерния состояла из Александровского, Святокрестовского, Благодарненского, Медвеженского, Ставропольского уездов и территорий кочевых народов.

После автономизации горцев оставшиеся от бывшей Терской области отделы (Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Пятигорский) были объединены в 1921 г. в Терскую губернию, а отделы приобрели статус уездов. Из состава Ставропольской губернии в Терскую был передан Святокрестовский (Прикумский) уезд.

В 1924 г. был образован объединенный Северо-Кавказский край (СКК) с центром в г. Ростове-на-Дону, куда вошли все регионы Юга России, включая Ставропольскую и Терскую губернии, преобразованные в округа. В новой конфигурации границ Ставропольский округ объединял десять районов: Александровский, Благодарненский, Дивенский (ранее Митрофановский, ныне Апана-сенковский), Вигодленский (ныне Ипатовский), Курсавский, Медвеженский (Красногвардейский), Московский (Изобильненский), Петровский, Ставропольский, Туркменский. В Терский округ входили города КМВ и 16 районов, в том числе Арзгирский, Ессентукский и др., где также осуществлялась украинизация. В 1930 г. окружное деление ликвидировалось, а входившие в него укрупненные в результате слияний районы были непосредственно подчинены СКК. Такая конфигурация сохранилась к декабрю 1932 г., когда неожиданно резко была прекращена украинизация на Юге России.

Данные о численности украинцев зависели не только от политической конъюнктуры на том или ином этапе, но и от этнической идентификации самого населения. До 1926 г. в официальных документах Ставропольской губернии (округа), данных краевой украинской секции ВКП(б) численность украинцев оценивалась в 123 тыс. человек¹. И только в отчете Ставропольского губисполкома (1922), предвосхищая итоги переписи 1926 г., сообщалось о 250 тыс. человек². Кстати, в начале 1920-х гг. по всему Югу России украинское население ориентировочно оценивалось в 1 млн человек. В соответствии с феноменальными результатами (по украинцам) Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в Ставропольском округе проживало 454,5 тыс. русских, 245,7 тыс.

украинцев и десятки тысяч представителей другой национальности, численность каждой из которой не превышала 10 тыс. человек³. Почти аналогичная ситуация имела место и в соседнем Терском округе, часть территорий которого (КМВ, Прикумье и др.) впоследствии была возвращена в Ставропольский край. Здесь погрешность между «прогнозами» и данными переписи оказалась еще большей. Так, на заседании нацменколлегии Терского окружкома ВКП(б) 19 февраля 1926 г. ее члены Лобановский и Суходольский, изучавшие состояние «украинской работы» в округе, сообщали, что по округу «выявлено» 50 тыс. украинцев⁴, в то время как в соответствии с переписью населения в Терском округе русские составляли 375,5 тыс., украинцы – 195 тыс. Все остальные национальные группы по своей численности уступали украинцам.

По всем округам и автономиям Северо-Кавказского края перепись зафиксировала 3,1 млн украинцев – на 700 тыс. меньше русских (3,8 млн)⁵.

Этнические украинцы проживали во всех районах Ставропольского округа, но особенно по их численности выделялись Курсавский (80,6% украинцев), Виноделенский (74,3%), Дивенский (69%), Благодарненский, Петровский и Медвеженский районы. Большинство этих районов позднее будут определены как территории сплошной украинизации. Из других районов Ставрополья со значительным украинским населением, но не входивших в округ, выделялись Ессентукский (88,6% украинцев), Степновский (55,6%), Суворовский (54,2%), Левкумский (51,5%) районы Терского округа и Невинномысский район (86,6%) Армавирского округа⁶.

Разработанная центральными и краевыми властями политика украинизации предусматривала: преобразование русских школ и других просветительных учреждений в украинские; создание украинских подразделений при властных структурах; переход работы государственных и общественных учреждений украинских районов и сельсоветов на родной язык; подготовку национальных кадров; организацию издательского дела на украинском языке.

Украинизация на Юге России объяснялась целым комплексом причин, в их числе:

1) манифестация «ленинской национальной политики», противопоставленная украинизации периода кратковременной «буржуазной» государственности на Украине и культурно-национальной автономии украинского населения в ряде европейских стран;

2) формирование симпатии к СССР у многомиллионного украинского населения Чехословакии, Румынии и прежде всего Польши (5 млн украинцев составляли 15% населения) с тем, чтобы направить их национальное движение в необходимое русло;

3) украинизация как альтернатива присоединению к УССР большей части Юга России

(для недопущения самой постановки вопроса об изменении границ украинцам в крае был присвоен статус «национального меньшинства»);

4) стремление сталинской команды заручиться поддержкой украинской элиты в борьбе с оппозицией, выступавшей в духе «революционного империализма»;

5) в обмен на реализацию культурно-языкового самоопределения получение хлеба из богатого зернового региона⁷.

Наконец, самая главная, на наш взгляд, причина – желание властей *покончить с казачьей сословностью*. Начавшаяся украинизация на Кубани должна была расчленивать казачество на этнических русских и украинцев, что облегчило бы завершение уничтожения сословности в обществе. Советская власть позволила казачеству проявить свою украинскую этничность, по всей видимости, считая, что «сословное сознание» казаков представляет для нее большую опасность, чем принадлежность их к украинской национальности.

Но если последняя причина являлась решающей в осуществлении украинизации на Юге России, то значит, на территории Ставрополья, где проживало не казачье, а крестьянское население, для демонстрации права наций на самоопределение можно было лишь имитировать эту политику. Ситуация изменится лишь в 1929 г., когда в политике украинизации на Ставрополье появится указанный выше «утилитарный интерес». Но в разгар нэпа привычных к настоящему крестьянскому труду ставропольских крестьян не надо было стимулировать к труду национальными лозунгами и «рідной мовой» – им был достаточен бухаринский лозунг «Обогащайтесь!». То есть на Ставрополье можно было украинизацию проводить «нормально», без авральных методов и кампанейщины, в соответствии с волеизъявлением самого населения. С такой позицией собственно выступал первый секретарь Северо-Кавказского крайкома А. И. Микоян.

«Мы приняли, – говорил Микоян, – ... важное решение, которое, может быть, и не приведет к поголовной украинизации, но даст возможность выбирать населению тот язык, который ему ближе, это нейтрализует украинские элементы»⁸. В то же время он предлагал занять очень деликатную позицию в данном вопросе, предоставив возможность самому населению решать, на каком языке говорить и писать. «Мы насильно заставлять проводить украинизацию не будем... Мы каждому предоставляем по своей воле выбирать, какой язык ему ближе»⁹. Однако Москва требовала от краевого руководства максимально ускорить темпы украинизации. В этой связи партийный руководитель края предостерегал Центр о нецелесообразности ее форсирования, так как само «украиноязычное» население относится к этому неоднозначно. «По отношению к украинизации, – писал А. И. Микоян В. И. Молотову в конце 1925 г., – крайком не находил полной под-

держки среди всего украинского населения. Этим и объяснялись недостаточная энергичность и решительность в этом вопросе. Значительная часть казаков и крестьян с украинским происхождением настолько обрусела, что возврат к украинизации для себя не допускает. Это одна группа. Вторая же группа считает: «Мы не украинцы и не великороссы, мы кубанцы», а третья группа – это та, которая желала украинизироваться в отношении школ, языка и пр.»¹⁰. Микоян отмечал, что украинизацию следует проводить только в отношении последней группы. И совсем недопустима политика «навязывания украинизации по отношению к первым двум группам, не желающим слышать об украинизации»¹¹.

Начальный этап украинизации на Ставрополье оказался незаметным, краткосрочным и безрезультативным. Первый импульс к началу этой политики выявился в начале 1922 г., когда по линии губОНО на 1922–23 гг. было запланировано создать «для просвещения украинцев» 12 школ 1-й ступени, 6 школ ликбеза, 8 изб-читален, 4 народных дома и клубов¹². Об этом плане до конца 20-х гг. не вспоминали. Только в 1927 г. в ряде сел Вигоденского района (например, в с. Большая Джалга) вновь решено было приступить к украинизации, но безрезультатно¹³.

Как украинцы Ставрополья относились к предоставленному им праву самим выбирать язык?

Еще в июле 1921 г. в отчете Ставропольского губисполкома сообщалось: «Малороссы, населяющие в значительном числе некоторые волости уездов Ставропольского, Александровского, Благодарненского, Медвеженского, являются значительно русифицированными, и просвещение среди них ведется почти исключительно на русском языке»¹⁴. В 1924 г. в газетной заметке А. Коротина отсутствие какого-либо прогресса в «украинской работе» мотивировалось не только отсутствием желания со стороны населения, но и другими объективными причинами: «Среди украинского населения политпросвет и школьную работу наладить на родном языке не удастся из-за отсутствия преподавателей. Соцвос ограничился тем, что направил в украинские школы учебники литературы на украинском языке»¹⁵.

Упомянувшиеся Коротиним «украинские школы», скорее всего, были только по названию. Да и сам автор этого не скрывал, говоря, что наладить их работу «не удастся».

О нежелании украинцев Ставрополья сохранять свою национальную идентичность, обучать детей на «рідній мові» сообщал исполняющий обязанности инспектора по делам нацменьшинств Ставропольского окрону в своей докладной записке от 7 сентября 1925 г. в окружную комиссию при окрисполкоме по улучшению быта нацмен. Он докладывал, что из украинцев, проживающих «в нескольких селах районов: Дивенского, Петровского, Вигоденского, Курсавского, Медвеженского, Благодарненского и в нескольких

аулах Туркменского, всего 123 тыс. чел., огромное большинство ассимилировалось с преобладающим великорусским населением, утратило чистоту украинского языка и бытовые особенности украинской народности и даже протестует против ведения среди них просветительской работы на украинском языке»¹⁶.

В другой части доклада его автор, возвращаясь к «украинской теме», справедливо предлагал: «Несомненно, правильной постановкой вопроса здесь было бы – предоставить полную возможность желающим украинцам получать просвещение на родном языке. В этих видах окрону разослало по районам, где есть «украинские» села, достаточное количество более или менее популярной литературы на украинском языке – в библиотеки и избы-читальни, а часть – непосредственно для раздачи населению на руки, чтобы дать возможность украинцам знакомиться с книжками на их родном языке. Это, конечно, паллиативная мера. Если ставить вопрос о планомерной и последовательной организации просвещения на украинском языке среди украинцев Ставрополья, которых имеется все же весьма значительное число, хотя многие из них уже и овеликороссились, то на это дело необходимо, прежде всего, иметь средства, на которые можно было бы пригласить инструкторов и учителей – украинцев – и через них вести работу. На первых порах нужен был бы инструктор-украинец в составе аппарата окрону и по 2–3 учителя украинца, которые могли бы начать дело с украинскими школами в районах Ставрополья, постепенно можно было бы подыскать и подготовить, при их посредстве, учителей для этой работы из местной среды»¹⁷.

Действительно, большинство ставропольских украинцев являлись выходцами тех малороссийских губерний империи, где языковые и этнокультурные границы между русскими и украинцами были весьма «хрупкими». В период совместного проживания на Ставрополье два народа еще больше сблизились.

Но очень странным выглядело такое явное отсутствие импульсов к украинизации со стороны «малороссов».

В современном интернет-пространстве в качестве примера нежелания самого украинского населения отдавать детей в украинскую школу часто встречается следующее высказывание родителей: «Такой украинизации не треба, на що ломать дитину, хай им бис, хай учат по-русски»¹⁸.

В нежелании самого украинского населения отдавать детей в украинскую школу имелось два взаимосвязанных мотива. Во-первых, для жизненной перспективы детей, для будущей их карьеры в огромной стране целесообразнее им обучаться в русской школе. Во-вторых, украинские школы имели слабую материальную базу, работал неквалифицированный педагогический состав и т. д.

Но все же главное состояло в недоверии крестьян к новой власти, приход которой сопро-

вождался репрессиями и голодом, унесшим жизни многих ставропольцев. Сельчане опасались, что политика украинизации является временной, носящей конъюнктурный характер. Поэтому они свою «украинскость» сохраняли в закрытом пространстве родного села. Занавесь этого мира приоткрывалась во время народных праздников, когда скромные крестьяне проявляли свою природную «шыристь» и многословие на смешанном «суржике». По сообщению «Известий ВУЦИК» (12 августа 1926 г.), в украинских селах Ставрополья на август 1926 г. не действовала ни одна украинская школа, но сельчане, как и раньше, «бьют гопака и поют “Ще не вмерла Украина”, что местным населением “считалось” за действительно современное украинское»¹⁹.

«Данные» интуиции подкреплялись позицией местной «русской власти» (не в смысле ее этнического происхождения, т. к. она состояла из русских, украинцев, евреев и др.), в абсолютном большинстве своем настроенной негативно, если не сказать враждебно, к украинизации. Более того, некоторые местные работники, может быть, из благих побуждений, доверительно предупреждали сельчан, что эта политика не имеет перспективы и будет иметь серьезные отрицательные последствия для самого населения. «Среди работников мест нет уверенности, – в деликатной форме признавал краевой партийный печатный орган, – что проведение украинизации является бесспорным делом»²⁰. Секретарь одной сельской ячейки заявлял: «Уже партия украинизацию гонит по шее»²¹.

О такой позиции чиновников позднее сообщал официальный орган Ставропольского райкома ВКП (б), райисполкома и райпрофсожа «Власть Советов». В заметке М. Южного «Что мы будем делать?» говорится о том, что в Виноделенском районе «работники противятся введению украинского языка, считая, что это нецелесообразно. В последнее время ряд местных работников старается уехать из пределов района. “Нам нечего здесь делать. Язык нам непонятен, пусть здесь остаются украинцы”»²².

В Терском округе вместо чиновников в работу по украинизации включили и беспартийный актив. «Известия ВУЦИК» (12 августа 1926 г.) поместили такое сообщение парткома Арзгирского района: «В течение последних лет наша организация проводит агитацию и пропаганду среди крестьян на украинском языке, используя для этого крестьян-украинцев, потому что население лучше понимает украинский язык, чем русский. Мы считаем, что нужно полностью украинизировать наш район, украинизировать партийные ячейки, чтобы приблизить их к крестьянству»²³.

Какую роль во всей этой мнимой украинизации играли украинские партийные секции, национальная инспектура в системе органов просвещения и уполномоченные исполкомов?

Именно эти политические институты являлись важнейшими инструментами, рычагами,

приводными ремнями в осуществлении политики украинизации. Через них власть осуществляла рекрутирование наиболее активной и компетентной части «национальной элиты» в формировавшуюся в стране номенклатурную систему. Украинские партийно-государственные структуры должны были мобилизовать население для решения утилитарных задач – сдачи хлеба, коллективизацию и т. д. Однако партия столкнулась с тем, что в самый ответственный момент (раскулачивание, коллективизация) многие национальные работники в определенной степени пытались транслировать интересы населения, а не власти. Вот почему в начале 1930-х гг. они были ликвидированы.

В апреле 1925 г. Первое краевое совещание украинских работников, проходившее в Краснодаре, приняло решение: «Для ведения украинской работы... организовать секции при Крайкоме, Кубокружке, Армавирском, Черноморском, *Ставропольском* и Донском округах»²⁴. Аналогичные решения принимались по советской линии и ОНО. После долгих обсуждений Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 30 июня 1925 г. утвердил бюро украинской секции в составе Ф. Чапала (секретарь), Е. Калюрника, Н. Кисель, С. Бондаренко, Л. Монастырского, А. Лисогора и Петруненко. В 1925 г. на учете краевой секции числилось 1180 украинцев²⁵.

Создание бюро украинской секции фактически положило начало плановой работе среди украинского населения в масштабе края, но не на Ставрополье. Национальная партийная секция, уполномоченные окрисполкома, инспектора окроно в Ставропольском и Терском округах формально существовали, но никакую реальную работу не вели. Причем эти работники числились по совместительству. И только в конце 20-х гг. была образована Национальная комиссия Ставропольского окрисполкома, которая весной 1930 г. предложила «немедленно выделить уполномоченных по работе среди национальных меньшинств в Благодарненском, Виноделенском, Дивенском, Курсавском и Ставропольском райисполкомах и Ставропольском горсовете»²⁶. За исключением последних двух райисполкомов все остальные уполномоченные должны были заниматься украинизацией.

В украинском вопросе на Ставрополье и Тереке в период нэпа имел место своеобразный компромисс: власть имитировала политику украинизации, а население украинских сел продолжало жить своей привычной, можно сказать, украинской жизнью. Их дети ходили в русские школы, но, возвращаясь домой, переходили на родной «смешанный» суржик, отличный и от литературного русского и от официального языка УССР. Русские чиновники видели в нем диалект русского языка, а его носителей рассматривали этнографической группой русского народа, в свою очередь, представители украинской интеллигенции и члены национальных секций – диалектом украинского

языка. Причем каждая сторона ссылалась на авторитет ученых-лингвистов.

Так, например, секретарь краевой украинской секции Ф. Чапала отмечал, что «очень часто приходится слышать, что на Кубани или на Ставрополье нет украинского языка; что там украинцы говорят или на русском языке, или на каком-то «местном наречии». Однако целый ряд серьезных обследований и научных выводов советских ученых (например, данные проф. Миртова) установили, что язык украинцев нашего края и украинцев Советской Украины является однородным»²⁷. А. В. Миртов (1886–1966) – ученый-филолог, специалист в области диалектологии – в 20-е гг. работал в донских вузах. Его работа «Украинцы на Дону» была признана ценным трудом для классификации донских говоров. Но так как советская наука находилась под опекой агитпропа, то исход любой научной дискуссии в полной мере зависел от решения партии.

С конца 20-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы общества. Новая волна украинизации, непосредственно затронувшая Ставрополье, находилась в прямой зависимости от начавшейся политики раскулачивания и тотальной коллективизации. Ставя задачу превратить сельчан в прикрепленных к земле батраков, власть в качестве вознаграждения за потерю статуса «единоличника» предлагала украинцам право на родной язык. В этом и состоял на новом этапе смысл «политического значения украинизации».

В передовой статье официального органа крайкома ВКП (б) «Украинизацию в крае необходимо провести в жизнь» ее автор, скрывающийся за инициалами «М. М.», задает вопрос: «Для нас чрезвычайно важно выяснить – какие социальные категории являются носителями украинского языка?». И отвечает на поставленный вопрос, что таковыми являются в основном беднота и середняки. «Мало смешиваясь с русским населением, они [т. е. беднота и середняки] в большей чистоте сохранили украинскую речь. Больше ассимилировался кулак»²⁸. Из этих простых посылок формальной логики М. М. делает следующий вывод: «Определение социальных категорий, использующих родной язык, приводит нас к политической задаче: чтобы приблизиться к бедняку, середняку – надо ввести украинский язык в низовых органах советского управления. В этом отношении слова “советизация” и “украинизация” органов власти можно рассматривать как синонимы»²⁹. Все четко и просто!

Вооруженный такой установкой секретарь украинской секции Ф. Чапала писал: «Выяснение социальных категорий, сохранивших свой родной язык, и отношение различных слоев станицы и села к украинизации, т. е. переводу работы советов, судов и т. д. на их родной украинский язык, приводит нас к серьезной политической и практической задаче: 1) приблизиться к основному

производителю хлеба – середняку и нашей *опоре – бедноте* [выделено в самом тексте. – В. А.]; 2) через посредство просвещения на родном языке ускорить темп культурного развития украинских трудящихся масс Северного Кавказа. Кроме того, введение в наши советские учреждения украинского языка в тех районах, где живут украинцы, значительно ускорит советизацию станицы»³⁰.

Почти полное сходство приведенных материалов, возможно, свидетельствует, что автор один и тот же. Но не это важно. Важно то, что в них акцентируется внимание на взаимосвязи коллективизации и украинизации. Ставрополье как крестьянский регион в полной мере подходило под новую мотивацию, проявившуюся в политике украинизации.

22 декабря 1928 г. бюро крайкома ВКП(б) поручило крайисполкому разработать план украинизации 37 районов, в которых украинцы составляли от 56 до 95% по отношению к общему числу населения того или иного района. Предполагалось украинизировать эти районы в течение трех лет³¹.

Этим критериям соответствовали Благодарненский, Виноделенский, Дивенский, Ессентукский, Курсавский, Медвеженский, Невинномысский, Петровский районы, которые после упразднения в 1930 г. округов напрямую подчинялись Ростову-на-Дону. Еще в нескольких других районах не хватало 2 или 3%, чтобы попасть в список украинизированных районов. Но после согласования между краевыми и окружными властями из вышеназванных районов Ставрополья, входивших в три округа, в первоочередной список сплошной украинизации вошли только четыре: Виноделенский и Курсавский (Ставропольский округ), Ессентукский (Терский округ), Невинномысский (Армавирский округ). Во всех остальных районах, в том числе Благодарненском, Петровском и Медвеженском Ставропольского округа, в украинских селах предусматривался перевод школ на украинский язык³².

Прошел год с момента принятия постановления крайкома, но, как отмечалось в официальной газете окружкома и окрисполкома («Власть Советов»), работа по украинизации «с мертвой точки не сдвинулась». Даже в селе Б. Джалга Виноделенского района, с которого должна была начаться украинизация, все осталось на бумаге. Заметка в окружной газете о том, как выполняется поставленная партией задача, так и называлась «Украинизация на бумаге»³³. Единственно, что было сделано, – создана комиссия по украинизации при окружкоме ВКП(б) и составлен план ее работы.

Воз «украинизации» остался на исходной позиции, как в басне И. Крылова «Лебедь, щука и рак». «Лебедем» был секретарь крайкома³⁴, рвущийся вслед за ЦК к высотам коммунизма, путь к которому проходил через тернии украинизации (в том, что это временная политика, то есть короткий отрезок пути, никто не сомневался). В роли

«щуки», по всей видимости, – окружная власть, которая доживала свои последние месяцы³⁵. А вот в роли «рака», пятащегося назад, – местные чиновники, над головами которых уже повис «дамоклов меч».

Секретариат крайкома ВКП(б), 22 декабря 1929 г. вновь обсудивший вопрос «Об украинизации советского аппарата в крае» и принявший постановление, констатировал, что прошлогодняя директива крайкома ВКП(б) об украинизации в крае не выполнена. Указывалось, что «в результате перевыборов советов в составе президиумов советов произошло понижение украинцев на 4,1% и председателей советов украинцев на 4,9%; в райисполкомах в 1927 г. украинцев было 21,1%, а в 1929 г. – 18,1%. Окружкомы ВКП(б) (Черноморский, Сальский, Ставропольский, Терский, С. – Донецкий, Кубанский, Донской, Армавирский) недооценили политического значения украинизации и не учли того факта, что перевод всей работы в районах с украинским населением на родной язык (украинский) является могучим средством активизации вовлечения трудящихся украинских масс в социалистическое строительство в станице (сплошная коллективизация, кооперирование и т. д.)»³⁶. (Слова в цитате выделены мной. – В. А.).

Тем совслужащим, кто сознательно или несознательно «недооценил политического значения украинизации», как «могучего средства активизации вовлечения трудящихся украинских масс в социалистическое строительство», будет навешен ярлык «великодержавных шовинистов», действовавших в интересах кулака.

Появился повод заменить чиновников, выстулавших не столько против украинизации, сколько против раскулачивания и насильственной коллективизации. Но и для новых руководящих «украинских» кадров на всякий случай (если они в украинизации будут видеть не средство достижения цели, а саму цель) был заготовлен не менее опасный ярлык «украинского национализма». В периодической печати все чаще муссировался тезис: при обострении классовой борьбы является «неизбежным и обострение национального шовинизма», так как он является «прекраснейшим средством» в руках врагов советской власти.

Автор статьи Л. в окружной газете отмечал, что «планомерная украинизация трех районов – Вигоденский, Курсавский и Дивенский встречает сопротивление со стороны работников аппарата... Все это, – продолжает Л., – умело использует кулак, уверяя, что советская власть против украинизации. Отпора этим проявлениям великодержавного шовинизма нет, несмотря на то что Крайком отметил, что “в округах, подлежащих украинизации, до сих пор не поставлена в должной мере борьба с проявлениями великодержавного шовинизма, с одной стороны, и украинского национализма – с другой”». Что же делать с теми, кто срывает «планомерную» украинизацию? – вопрошал автор. И сам же отвечал на поставленный

вопрос: «Надо больно ударить по рукам тех, кто не выполняет эту важнейшую партийную директиву [украинизацию], кто не понимает значения работы среди национальностей»³⁷.

Пресса (естественно, по заданию сверху) искала виновных в срыве украинизации уже не только среди сельских и даже районных бюрократов, но и чиновников окружного уровня. Корреспондент Шершенко в статье под названием «Срывают работу» перечислил тех, кто виновен в срыве украинизации: «Окружная комиссия по украинизации при Окружном не может наладить планомерной работы из-за возмутительного отношения ряда организаций и учреждений. Разосланного учреждения календарного плана никто выполнять не хочет, представители учреждений на заседания комиссии не являются. В этом отношении особенно отличаются Крайсоюз ПО, Окрсуд и прокуратура. Представитель Окружного партии тоже никогда не заглядывает на заседания комиссии»³⁸.

Это уже был «камень в огород» ответственного секретаря Ставропольского окружного ВКП(б) Александра Семеновича Картукова (1890–1941), назначенного на этот пост в 1929 г. Перечисленные в срыве украинизации правоохранительные органы, вероятно, лояльно относились к «кулакам», а окружное отделение Северо-Кавказского Краевого союза потребительских обществ не содействовало вовлечению единоличников в колхозное строительство.

Корреспондент М. Южный в той же газете в заметке «Что мы будем делать?», естественно, получив руководящие указания, ответил на им же поставленный вопрос: «Нужно немедленно обеспечить район опытными работниками, знающими украинский язык, а также и учебными пособиями для кружков по самоподготовке и удовлетворить желание русофилов, убрав их из района»³⁹.

Действительно, на лето 1930 г. в округе было запланировано проведение 2-месячных курсов для 60 учителей украинских школ 1-й ступени Соцвоса и ликбеза при окроне. По сообщению Юр. Самко, на «курсы принимаются учителя и оканчивающие в текущем году девятилетки с педуклоном, владеющие разговорным украинским языком – со всех районов Ставропольского округа. Курсанты будут обеспечены общежитием и стипендией в размере 30 руб.»⁴⁰. Что касается инспекторов районо и заведующих опорными школами украинизированных районов, то для них были предусмотрены краевые курсы.

На лето и осень 1930 г. также была запланирована организация сети кружков для ликвидации украинской неграмотности среди работников советских и других организаций в украинизированных районах округа с охватом 1050 сельскохозяйственных работников и 90 райработников. Не проведя еще эти масштабные курсы, окружная комиссия по украинизации планировала в неда-

леком будущем открытие украинского отделения или введение украинского языка как предмета при сельхозтехникуме, в проектируемом агропедвузе, в медтехникуме и в других учебных заведениях. На очереди, сообщал автор С. в своей корреспонденции: «украинский театр, кинофильмы с украинскими надписями, украинские радиогазеты и т. д. и т. п.»⁴¹. В свою очередь, окружное ОНО брало обязательство «полно и своевременно обеспечить украинской книгой, журналом, газетой все учреждения и отдельных жителей... укомплектовать украинские школы учителями и пособиями, удовлетворяющими научно-педагогические требования и отвечающими особенностям Северного Кавказа». При этом ставилась задача довести «процент украинской книги в украинских районах... до 80 по отношению к русской»⁴².

Но все это планы. А какие были конкретные результаты? Окружной печатный орган сообщал о следующих достижениях: «Из культпросветучреждений по Виноделенскому району вели преподавание по-украински 11 групп школ 1 ступени и ликбезы, введен украинский язык как предмет в школе, частично вели на украинском языке работу две хаты-читальни. Недавно приступили к работе кружки по ликвидации неграмотности среди работников соваппарата»⁴³. Любопытно, что для усиления видимости достигнутых результатов вместо количества украинизированных школ сообщалось о количестве групп.

Но может быть успешно работали языковые курсы? Судя по информации из прессы, запланированные курсы были просто проигнорированы. Те редкие слушатели из числа ответственных работников, которые там изредка появлялись, просто отсыпались после трудового дня. Не забудем, шла коллективизация, и весь советский и партийный аппарат занимался «возвращением» крестьян в колхозы, откуда многие из сельчан вышли, поверив Сталину и партии, что коллективизация должна быть добровольной. Вспомним, как, по Шолохову, Макар Нагульный «изучивал» по ночам «англицкий язык», мечтая о мировой революции. Украинский язык в этих проектах был далеко не в первой десятке. Но, возможно, Макар его уже изучил, ведь он уже успел «все науки превзойти». Осталось только в интересах мировой пролетарской революции освоить язык Шекспира.

Итак, осуществление плана украинизации по Виноделенскому (первоочередному), Курсавскому и Дивенскому районам было провалено. Такая же примерно ситуация имела место в Ессентукском, Невинномысском и Курсавском районах Ставрополя. В связи с этим сроки «начала и конца» украинизации были перенесены и совмещены с годом окончания первой пятилетки. Для Виноделенского района устанавливались сроки с 1929/30 по 1931/32 гг., для Курсавского, Дивенского районов и украинских сел других районов – 1931/32–1932/33 гг.

Газета «Власть Советов» в материале «Осуществим украинизацию в срок» сообщала: «В настоящее время ОкрОНО выработало новый план украинизации Ставропольского округа по следующим направлениям: а) перевод работы культпросветучреждений на украинский язык; б) подготовка кадров работников; в) создание условий, способствующих распространению украинской грамотности и украинской культуры»⁴⁴. План предусматривал «развитие украинской группы 1 ступени в Виноделенском районе и открытие 105 новых групп по округу и перевод школ на украинский язык преподавания». И наконец, еще об одном плане окрону: «В отношении украинских ликбезов и школ малограмотных в 1930/31 году предполагается охватить ими 10 тысяч человек, а в следующем году 11 тысяч и в этом же году закончить ликвидацию неграмотности. Украинские хаты-читальни и ДСК (Дома социальной культуры) начнут работать в 1930/31 г.»⁴⁵.

В соответствии с постановлением президиума Национального совета Северо-Кавказского крайисполкома от 19 июля 1931 г. и в развитие постановления президиума крайисполкома от 27 июня 1931 г., и во изменение постановления президиума крайнацсовета от 21 апреля 1931 г. райисполкомам 12 районов края (в том числе Виноделенскому, Ессентукскому, Невинномысскому и Курсавскому) предлагалось «к 1 января 1932 г. украинизировать аппараты отдельных станичных и сельских советов с преобладающим количеством украинского населения, а также аппараты всех организаций этих станичных и сельсоветов, обеспечив соответствующие районные организации работниками, знающими украинский язык, и свое непосредственное руководство работой по украинизации»⁴⁶.

В указанных районах райисполкомы под персональную ответственность их председателей обязывались «применительно к настоящему постановлению пересмотреть свои планы работ по украинизации с тем, чтобы украинизацию в основном закончить к 1 сентября с. г. во всех государственных, кооперативных и общественных организациях и учреждениях». И далее предлагалось «райисполкомам поименованных выше районов обеспечить реальное осуществление планов по украинизации необходимыми средствами как за счет дополнительных ассигнований по станичным и районным бюджетам, так и за счет привлечения средств хозяйственных организаций. Предложить КрайФУ при рассмотрении районных бюджетов предусмотреть расходы на украинизацию»⁴⁷.

Трудно предположить, что в деле украинизации наступивший 1932 г. был бы намного успешнее, чем в предыдущие годы. Тем более что сама краевая комиссия по украинизации, в феврале 1932 г. рассмотревшая ход выполнения решения Северо-Кавказского крайкома об украинизации, признала ее провал⁴⁸. Отношение к украинизации резко меняется. Украинский

фактор не сыграл своей роли в нейтрализации сопротивления сельского населения политике раскрестьянивания. Наоборот, наибольшее противодействие раскулачиванию и коллективизации как раз оказали села и районы, в которых она проводилась. По мнению властей, теперь уже украинский фактор выступал тормозом в деле строительства социализма.

Как только оппозиция была побеждена, Сталин, теперь уже позиционируя себя лидером «великого русского народа», воспринимался украинскими националистами в качестве своего главного оппонента. Опасаясь потерять доверие номенклатуры, сталинское руководство пошло ей навстречу по вопросу украинизации.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» украинизация объявлялась как противоречащая «культурным интересам населения» и «немедленно» прекращалась⁴⁹.

Наиболее чувствительной деукраинизация оказалась по линии народного образования. Коллегия Наркомпроса 13 февраля 1933 г. в соответствии с «постановлениями директивных органов»⁵⁰ утвердила план мероприятий по окончательному переводу работы «украинизированных» просветительных учреждений с украинского языка на русский⁵¹.

В том же месяце заведующий Северо-Кавказским крайоно П. С. Милославский направил в региональные ОНО циркуляр, в котором потребовал «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию, теперь же переводя на русский язык делопроизводство, работу разных курсов, издания газет, листовок и пр.»⁵².

Этноязыковая близость между двумя восточнославянскими народами, вековое совместное с русскими проживание на Ставрополье интенсифицировало этнотрансформационный процесс с тенденцией перехода значительной по численности группы населения украинского происхождения в русское этническое сообщество. Это явление усиливалось и по причине «горячего дыхания горского, шире – мусульманского Юга», в результате чего еще больше нивелировались имевшиеся на уровне повседневности различия. К тому же стержневая линия партии большевиков была направлена на построение такого общества, при котором после ликвидации сословных различий исчезнут и национальные.

При последующих всесоюзных переписях населения основная масса жителей Ставропольского края, имевших украинские корни, отнесла себя к русскому населению, сохраняя при всем этом (особенно в селах и станицах) особую смешанную русско-украинскую культуру, язык, обычаи и неповторимый характер. После распада СССР процесс естественной ассимиляции украинцев еще более усилился. Если в 1920-е гг. свою принадлежность к украинской национальности указа-

ло более трети всего населения, то по последней переписи 2010 г. – только 30,4 тыс. (1,1%)⁵³. В настоящее время большинство людей, знающих о своем этническом происхождении, не считают это весомым обстоятельством, чтобы отнести себя к украинскому народу.

Примечания

- 1 Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.
- 2 См.: Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва VI-му Губернскому Съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Ставропольской губернии. 1922 год. Ставрополь, 1922.
- 3 См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1928. С. 83–85.
- 4 Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.
- 5 См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. С. 83–85.
- 6 ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.; Булгакова Н. И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.
- 7 См.: Акоюн В. З. Общее и особенное в причинах украинизации на Юге России и Украине // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 3–4 октября 2013 г. / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
- 8 Советский Юг. 1925. 19 июля.
- 9 Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 127. Л. 7.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 См.: Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва...
- 13 См.: Власть Советов. 1930. 18 апреля.
- 14 Отчет Ставропольского Губернского Исполнительного комитета V созыва...
- 15 Советский Юг. 1924. 5 дек.
- 16 ГАСК. Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 69–69 об.
- 17 Там же.
- 18 МIRONIN С. «Голодомор» на Руси. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=134694&p=1> (дата обращения: 15.06.2014).
- 19 Цит. по: Сергийчук В. I. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ: Українська Видавнича Спілка, 2000. С. 144.
- 20 Ленинский путь. 1929. № 1. С. 63.
- 21 Там же.
- 22 Власть Советов. 1930. 28 мая.
- 23 Цит. по: Сергийчук В. I. Указ. соч. С. 143.
- 24 ЦДНИРО. Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 113. Л. 62–63.

- ²⁵ ЦДНИРО. Д. 180. Л. 2 ; См.: *Акопян В. З.* К истории создания национальных украинских секций при Северо-Кавказском краевом комитете ВКП(б) // КЛИО. Журнал для ученых. № 6(78). СПб., 2013. С. 68–73.
- ²⁶ См.: *Власть Советов.* 1930. 18 апр.
- ²⁷ *Известия Северо-Кавказского Крайисполкома.* № 6. 1929. 31 марта. С. 47.
- ²⁸ *Ленинский путь.* № 1. 1929. Январь. С. 63.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Известия Северо-Кавказского Крайисполкома.* 1929. № 6. 31 марта. С. 46–48.
- ³¹ См.: *Ленинский путь.* 1929. № 1. Январь. С. 63.
- ³² См.: *Молот.* 1931. 12 авг.; *Власть Советов.* 1930. 28 мая.
- ³³ См.: *Власть Советов.* 1930. 18 апр.
- ³⁴ С января 1928 г. по декабрь 1930 г. пост секретаря Сев.-Кав. Крайкома ВКП(б) занимал А. А. Андреев (1895–1971), а в 1931–1934 гг. – Б. П. Шеболдаев. Ему будет поручено в декабре 1932 г. «похоронить» украинизацию в СКК. Эта роль не помогла ему впоследствии избежать сталинской гильотины за попытку сменить вождя Кировым на партийном съезде в 1934 г.
- ³⁵ Претендентов на эту роль было достаточно много: М. И. Стакун в 1927–1929 г. – ответ. секретарь Ставропольского окружного комитета ВКП(б); С. С. Захаров в 1925–1927 гг. – ответ. секретарь Ставропольского окружкома; в 1928–1930 гг. – ответ. секретарь Терского окружкома; А. А. Каргуков в 1929–1930 гг. – ответ. секретарь Ставропольского окружкома ВКП(б) и др.
- ³⁶ *Известия Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б).* 1930. № 1(78). С. 27.
- ³⁷ *Власть Советов.* 1930. 28 мая.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Молот.* 1931. 12 авг.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 548. Л. 36–37.
- ⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 об.
- ⁵⁰ Первым документом, положившим начало деукраинизации, стала телеграмма ЦК от 8 декабря 1932 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1249. Л. 10–11.
- ⁵¹ ГАРО. Ф. Р-64. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 12.
- ⁵² Там же. Л. 16.
- ⁵³ Население Ставропольского края. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.08.2014).